ТАЙНА.

Что же это за тайна такая, которую мальчикамъ не удалось, а бабушкѣ не захотѣлось узнать? Тайна эта была дѣтская ссора, на томъ вечерѣ, на который маленькая Мери приглашала сестеръ пріѣхать въ старыхъ платьяхъ; вечеръ этотъ былъ отложенъ по болѣзни ея, и только на дняхъ отпразднованъ, по условію, въ самыхъ простенькихъ платьяхъ, такъ что и Линочка ничуть не стѣснялась своимъ мытымъ платьицемъ; тамъ были еще и другія дѣвочки, и Полинька, и шалунья Варя, и бойкая, насмѣшливая Элиза, и тихонькая, плаксивая Анюта.

Ниночка пріѣхала позже всѣхъ; она вошла, вслѣдъ за матерью своею, мѣрною походкой взрослой дѣвушки. Взглянувъ на Ниночку, дѣти забыли свой уговоръ, не дивиться на ея наряды; завидя чудную сѣтку, убраную разноцвѣтными перышками, они хлынули волной и окружили Нину. Глаза ихъ поднялись на голову, руки

многихъ поднялись туда же; но не каждой рукѣ удалось погладить красивыя, мягкія перышки; не каждой дѣвочкѣ удалось подержать яркія, шелковыя кисти сѣтки; Ниночка была разборчива, она сходилась и дружилась по приказанію матери, которая указывала ей на тѣхъ дѣтей, коихъ родители были знатнѣе и богаче.

- Ахъ, Ниночка, что за прелесть! говорила Саша, въ восхищеніи хлопая руками: - какія это должны быть хорошенькія птички, у которыхъ такія красивыя перышки! Ты не знаешь, какъ ихъ зовутъ? спрашивала она, легонько гладя перяной вѣночекъ.

- Не знаю, коротко отвѣтила Ниночка, и потомъ стала разсказывать о томъ, что сѣточка недавно прислана изъ Парижа, что бабушка видѣла на дочкѣ какой-то герцогини точно такую сѣтку, что платье и башмачки также парижскіе, и при этомъ выставила туго обутую ножку свою.

- Башмакъ, какъ башмакъ, сказала Аля, поглядывая на полусапожки, подобранные

къ цвѣту платья, - такіе и здѣсь найдутся, а вотъ сѣточка такъ очень хороша.

- Желала бы я знать, гдѣ ты здѣсь такіе найдешь, сказала Ниночка, отворачиваясь отъ Али.

- Конечно, нельзя найдти! сказала одна изъ дѣвочекъ, желая угодить нарядной Ниночкѣ, и при этомъ пощупать кисточки и погладить перышки. И Нина повернулась въ ту сторону и спросила: - а ты разсмотрѣла сѣточку? Осчастливленная Варя протянула обѣ руки вверхъ и провела ими по перышкамъ, потомъ, взявъ кисти въ руки, сказала: - Какъ это смѣшно! глядишь, точно кисть изъ коральковъ, а пощупаешь, такъ мягко!

- Ну, что же мы стоимъ, пойдемъ въ гостиную, говорила маленькая Мери, прыгая, но не выпуская руки Лины изъ своей: - пусть мама и тетя и всѣ посмотрятъ, какія на сѣточкѣ чудесныя перышки и кисточки.

Сказавъ это, малютка понеслась съ Линой впередъ; за ними, медленно переступая въ тѣсныхъ парижскихъ

сапожкахъ, шла Нина, окруженная шумною толпой дѣтей.

Въ гостиной Нину осматривали, ласкали, хвалили; бѣдная дѣвочка принимала всѣ эти похвалы на свой счетъ; ей и въ голову не приходило, что она, и богатый нарядъ, двѣ вещи разныя, что можно хвалить и сѣтку и платье, не заботясь о болванчикѣ, на который оно надѣто.

Всѣ дѣти, дѣвочки и мальчики, собрались въ большой столовой пить чай; у нихъ шумно и весело, они дружно таскаютъ стулья, усаживаются, прислуживаютъ другъ другу. Маленькая хозяйка, растянувшись черезъ столъ, щедрою рукой одѣляетъ мелочью изъ корзинки, замѣтивъ, что мальчики не ровно подѣлили добычку, она бѣжитъ туда и равняетъ кучки, добавляя изъ своей корзинки.

- Мери, кричатъ мальчики, торопясь упрятать трубочки, завиточки и лепешочки, - ты мнѣ прибавь!

- Мери, Мери! ты меня забыла, зоветъ шалунья Варя, прикрывая свою долю.

Малютка бѣгаетъ съ корзинкой туда и сюда, какъ насѣдка за цыплятами; дѣти весело справляются съ чаемъ, только жеманная Ниночка какъ бы нехотя пьетъ и ѣстъ.

- А знаете что, говоритъ она, - maman сказала, что въ награду за нашу благотворительность, она непремѣнно устроитъ намъ какое нибудь удовольствіе, и даже въ тотъ вечеръ, когда будемъ розыгрывать лотерею! Сказавъ это, Ниночка величаво посмотрѣла на дѣтей.

- Ниночка! вскричала Аля - болѣе этого у ней на первую минуту не нашлось словъ; душевное негодованье яркой краской бросилось ей въ лицо.

- Мы не хотимъ, сказали въ голосъ Лиза съ Сашей. - Да, не хотимъ, громко закричала ободрившаяся Лиза, настойчиво глядя въ лицо Ниночки. Въ разговорахъ съ бабушкой, загнанная дѣвочка начала чувствовать опору и стала смѣлѣе говорить, что ей нравилось или не нравилось.

- Чего вы не хотите, какая лотерея? спрашивали неучаствовавшія въ ней дѣвочки.

- А вотъ пустите, я вамъ сейчасъ разскажу, кричалъ Володя, продираясь и становясь передъ Ниночкой, - я вамъ разскажу, чего не хотятъ онѣ, сказалъ мальчикъ, указывая на Алю и сестеръ ея, - и чего желаетъ достопочтенная моя сестрица: она желаетъ славы, и я современемъ напишу статью въ энциклопедическій словарь, говорилъ онъ, вскочивъ на стулъ какъ на каѳедру и указывая рукой на Ниночку: - «Нина Марковна Муромская, знаменитая своимъ человѣколюбіемъ, спасла жителей города Симбирска отъ голодной смерти, пожертвовавъ на дѣтскую лотерею работу своей гувернантки...» Раздался общій смѣхъ.

- Володя! кричала Ниночка; но бойкій Володя давно добирался, какъ онъ говорилъ, до своей ломаной сестрицы, и потому продолжалъ, ничуть не смущаясь: - «Такая жертва ставитъ соотечественницу

нашу на ряду съ Ласказасами и Говардами....»

Мальчики громко хохотали, дѣвочки нѣсколько удерживались. Раздосадованная Нина, шумно отбросивъ стулъ, вышла изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ вспыльчивая, но добренькая, маленькая хозяйка совѣтовалась въ дѣтской съ сестрами, чѣмъ бы утѣшить и успокоить раздосадованную Ниночку. Всѣ положили извиниться передъ нею, и разсказать или лучше сказать, напомнить ей бабушкины слова о лотереяхъ.

Гнѣвная Ниночка, ходя изъ комнаты въ комнату, зашла въ дѣтскую; дѣти ласково обступили ее, и успокоительныя слова послышались со всѣхъ сторонъ. - Ты, Нина, не сердись, ужь мальчики всегда такіе, надъ всѣми смѣются, всѣхъ дразнятъ; вѣдь это все твой Володя!

- Ну, ужь, всѣ вы хороши! рѣзко замѣтила Ниночка, вамъ же хотятъ сдѣлать удовольствіе, а вы же отказываетесь! Право, точно идіотки какія, ничего не понимаютъ, а смѣются и радуются на

Володины глупости. Такъ продолжала разсерженная дѣвочка, которая, никого не любя, никого не щадила, а при малѣйшей обидѣ фыркала и щетинилась какъ кошка, не разбирая ни праваго, ни виноватаго, ни друга, ни недруга.

- Нина, ты не сердись, мы смѣялись надъ тѣмъ, что Володя говорилъ, а не надъ тобою.

- Да мнѣ что до того, что вы думаете: стану я объ этомъ заботиться! ѣдко усмѣхнувшись, отвѣтила Ниночка.

Дѣти замолчали. Ниночка свысока, въ полглаза глядѣла на нихъ; она была нѣсколько старѣе Али и Зины, и потому считала себя умнѣе всего этого гнѣздышка сестеръ.

Зина подошла и хотѣла ее обнять, но сердитая дѣвочка ловко увернулась. Видя, что она все еще сердится, Аля начала ее уговаривать: - Ниночка, ты не сердись и за то, что мы отказываемся отъ удовольствія, которое твоя мама хочетъ намъ сдѣлать; ты не можешь себѣ представить, какъ противно

думать о наградѣ за такіе пустяки, да и бабушка наша тоже говоритъ....

- Ну ужь бабушка ваша! подите вы съ нею, точно нянька какая, все съ вами сидитъ; а въ гостиную войдетъ, только и слышно: «тетушка, тетушка, пожалуйте сюда; матушка, вамъ здѣсь покойнѣе, сядьте здѣсь!» А она одѣта такъ, что показаться совѣстно!

Озадаченныя дѣти, привыкшія чтить бабушку, стояли въ изумленіи передъ расходившейся Ниной. Мери первая опомнилась и, подбѣжавъ къ Ниночкѣ, закричала: - Ты не смѣешь такъ говорить про нашу бабушку!

- Видишь, что смѣю, надменно отвѣчала дѣвочка.

- Нѣтъ, не смѣешь, чуть не плача кричали Мери, Саша и Лиза.

- Ужь есть чего не смѣть! съ небреженіемъ сказала Ниночка: - сшила себѣ репсовое платье съ кофтой, да и выѣзжаетъ въ немъ, какъ въ мундирѣ, - совсѣмъ отвыкла отъ порядочнаго общества, еще была бы бѣдная, а то

говорятъ, чуть ли не богаче моей бабушки; такъ ужь, просто, скупая! - А ходитъ то какъ, смѣхъ да и только!

Тутъ Ниночка, оглянувшись по сторонамъ, увидѣла Мерину оправленную на ночь кроватку, схватила съ подушки ночной чепчикъ, и сбросивъ съ себя сѣтку, натянула его на лобъ, потомъ, стащивъ вязаное шерстяное одѣяльце, накинула его шалью на плеча, и пошла старческой походкой вокругъ комнаты, передразнивая старушку. Нѣкоторыя дѣти хотѣли словами остановить ее, а гнѣвная Мери, какъ вѣтромъ вздувшійся парусъ понеслась прямо на нее, но, запутавшись въ кистяхъ валявшейся парижской сѣтки, упала; вскочивъ, она подхватила сѣтку эту, и съ угрозой: - «Хорошо Ниночка, хорошо!» побѣжала изъ комнаты.

Воротясь, она увидала, что Нина еще не хватилась своей потери, и пошептавшись съ сестрами, увела ихъ за собой въ залу; тамъ онѣ, обнявшись, ходили вереницею, негодованье и дѣтское мщеніе волновали каждую изъ нихъ.

- Какъ она смѣетъ бранить мою бабушку! говорила раскраснѣвшаяся, заплаканная Саша, - я никогда не поѣду къ ней.

- И я также, сказала Аля. И Лиза сказала бы тоже, но она знала, что мать ее пошлетъ.

- Злая Нинка! сказала она со вздохомъ: - счастливыя вы, что можете не ѣздить къ ней!

- Сестры, сестры, отдайте пожалуйста Ниночкину сѣтку, говорила прибѣжавшая изъ дѣтской разстроенная Зина: она такъ сердится, что ужасъ! пожалуйста отдайте!

- У насъ нѣтъ, отвѣчали дѣвочки.

Зиночка ушла, но черезъ минуту опять вернулась, заплаканная и обиженная: вѣроятно милая подруга ея не пощадила и своего вѣрнаго друга.

- Сестры, да отдайте, ради Бога! вы не знаете какъ она сердится!

- Мери, отдай ей, вѣдь она тамъ прибьетъ Зину, сказала Лиза.

Зиночка опять заплакала, ей было горько на сердцѣ, но она никому не сказала

о томъ, что перенесла въ эти полчаса отъ самолюбивой дѣвочки. У Зины было сердце, и хотя она дурно выбирала своихъ друзей, но умѣла привязываться къ нимъ.

- Ну, что же, я пожалуй отдамъ, сказала Мери, и проворно побѣжала въ дѣтскую; обрадованная Зина за нею; а черезъ пять минутъ въ залѣ показалась и Ниночка; она шла въ гостиную, ни на кого не глядя, шла тихо, шагъ за шагомъ, накрывъ щеку платкомъ. Дѣти изъ любопытства послѣдовали за нею; тамъ Ниночка сдѣлалась еще печальнѣе. Тихо и нѣжно наклонясь къ матери, она что-то ей сказала; сердца дѣтей дрогнули, онѣ думали, что Ниночка жалуется; но вскорѣ успокоились, увидавъ, что хитрая дѣвочка, ссылаясь на зубную боль, просила уѣхать домой. Онѣ съ удивленіемъ слушали, какъ Нина печально разсказывала хозяйкѣ, что зубныя боли ее часто мучаютъ, какъ при этомъ гости принялись хвалить ангельское терпѣнье дочери, о которомъ разсказывала мать; какъ та, опустивъ голову, принимала незаслуженныя похвалы. Дѣти дивились и

негодовали; большіе, ничего не зная, любовались на разряженную, красивую и добрую дѣвочку. Что еслибы узнала мать, отчего выступили красныя пятна на лбу дочери и отчего такъ заплаканы глаза? Испугалась ли бы она всей испорченности ребенка, или порадовалась бы ея находчивости?

Дѣти, какъ пчелы жужжа и гудя въ кучкѣ долго толковали о ссорѣ, и рѣшили никому не говорить объ ней. Обиженная Зина весь вечеръ была очень задумчива, и на утѣшенье дѣтей съ горестью сказала: - Она меня не любитъ!

- Вотъ, есть о чемъ горевать, сказала Аля, желая утѣшить сестру. - Ниночка никого не любитъ, кромѣ своихъ нарядовъ, и то пока они новы! Замѣчаніе это было вѣрно.